

Дмитрий Соколов-Митрич

Новая деревенщина,

или Почему сбежать из города хочется, но не может

Представьте себе: в ваш большой, прекрасный, любимый город пришли какие-то сильно умные люди, и с их приходом жизнь стала медленно, но необратимо превращаться в дурной сон. Сначала они зачем-то взяли и закрыли все музеи, театры, библиотеки и даже концертные залы. Затем они отобрали у всех обыкновенных людей их бизнес, согнали в одну большую компанию по производству всего и сказали: «Вот здесь работайте».

Потом эти странные люди еще немного подумали, снова собрали обыкновенных людей и сказали: «Значит так. Мы тут построили для вас большие воздушные коммуны, они держатся в воздухе на огромных дирижаблях, там есть все, что нужно для жизни. Это гораздо удобней и перспективней, чем жить в дурацких, отсталых наземных городах. В воздухе больше, чем на плоскости, помещается народу. Там меньше сила притяжения, это полезно для здоровья. Там всегда будет чисто, потому что мусор мы будем просто сбрасывать вниз. Там будет вечное лето и вечный день, потому что в воздухе нет границ, можно перемещаться вслед за солнцем. Туда, наверх мы не пустим чужих людей, мы больше можем их не бояться, они нас не достанут. Короче, будущее человечества будет иметь ярко выраженный воздушный характер, а здесь, внизу скоро просто никого не останется».

Некоторые обыкновенные люди из упрямства все-таки остались жить внизу, но в некогда процветающих наземных городах жизнь и правда стала быстро деградировать: дороги потрескались, электричество кончилось, много криминала. Первое поколение еще как-то продержалось, но их дети и внуки сами стали стремиться наверх. Очень скоро на земле остались лишь старики, алкоголики и редкие героические личности.

Бред? Может, и бред. Но примерно так выглядит краткое содержание XX века.

Только не для жителей городов, а для жителей русской деревни. На протяжении всего этого времени их привычный мир, их уютную вселенную мучительно разрушали, рубили по частям, как хвост собаке. Приходили какие-то странные люди с наганами и пулеметами, вели себя как отъявленные марсиане, грубо насиловали естественный ход вещей, усложняли простое и упрощали сложное. Закрывали церкви, отбирали скотину, сгоняли всех в огромные и неудобные колхозы. Затем стали укрупнять деревни, оторвали людей от земли и запихали в поселки городского типа, а кто не поместился — поехал в город и обогатил русский язык новым словом «лимита». Меньшинство все-таки осталось на земле, притерпелось к неудобным колхозам, но тут странные умные люди и их закрыли. Теперь вот оптимизируют школы, больницы, а по сути — проводят второе укрепление того, что со времен хрущевского укрупнения успело измельчать.

Я еще помню пятиэтажные дворы, по которым ходили мужики с гармошками, каждая лавочка была завалинкой, картошку сушили на детских площадках, а если две тетki поругаются — крик стоял на весь микрорайон. Деревенская жизнь мучительно пыталась влезть в шкуру городской. Кое-как получилось, но ценой адской боли, которую даже фильм «Афоня» описать не в состоянии. Эта психотравма сидит в каждом из нас.

Вообще-то я оптимист, стараюсь цепляться за любую возможность счастливого продолжения, но тут, если честно, цепляться не за что. Когда профессиональные пессимисты говорят: «Деревня умерла», они не правы только в формулировке: умерла не деревня, умерла традиционная сельская жизнь. Но люди на земле жить не перестанут. Их даже

станет больше. Только это будут уже немножко другие люди.

Почему мы веками жили на земле? Потому что она была для человека главным средством производства и единственным работодателем. Наши предки выращивали пшеницу, картошку, лен, растили на пастбищах скот, рубили в лесу дрова, ловили в реках рыбу — все это им давала земля. Излишки мы продавали на ярмарке, чтобы отдать в казну налог и купить кое-каких продуктов примитивного пока еще ремесленничества. Но потом экономика усложнялась, усложнялась и доусложнялась до того, что появились трактора, комбайны, лесовозы, тралы — все эти чудовища стали отнимать работу у крестьян. При всем неуважении к марсианам, процесс урбанизации страны был неизбежен. В той или иной форме на протяжении XX века он происходил по всей планете, и трагедия русского крестьянства, по сравнению, например, с трагедией крестьянства бразильского или мексиканского — еще не самый худший вариант.

Дальше больше. Появились такие комбайны, которые могут обрабатывать тысячи гектаров в день вообще без участия человека. Они гуляют сами, по GPS'у и в нас нуждаются лишь в случае поломки. С такой производительностью этой бешеной технике не нужна постоянная прописка: она кочует по стране по предварительной записи и обслуживает мелких и средних фермеров. Крупные хозяйства, которые владеют этой техникой, постепенно прибирают к рукам мелкие и средние. В результате на всю страну мы скоро будем иметь несколько сотен гигантских агрофирм, которым нужны многие тысячи человек, но никак не миллионы. Из прежнего крестьянства на земле останутся лишь высококвалифицированные специалисты, бюджетники, пенсионеры и алкоголики. Хотя нет: алкоголики-то как раз городские, бескорыстные и добровольные жертвы черных риелтеров.

Но проклятая экономика — она развивается дальше. И почти доразвивалась до того, что теперь уже мегаполисы становятся формой жизни, не очень-то соответствующей новой экономической реальности. Города стали слишком дорогими, это сказывается на стоимости рабочей силы. Города стали постоянным источником проблем — социальных, межнациональных, экологических. Обслуживание городов с их постоянно усложняющейся инфраструктурой становится все более затратным. В результате сейчас мы наблюдаем начало процесса, который, скорее всего, займет весь XXI век — это кризис урбанизации и формирование новой формации людей, которую я бы назвал «постиндустриальным крестьянством».

Чем, в сущности, отличается дед, который посадил репку и потом вытянул ее при

Люди на земле жить не перестанут. Их даже станет больше. Только это будут уже немножко другие люди.

Xylocopa latipes

помощи бабки, дочки, жучки и мышки — от того же компьютерного дизайнера, который сидит за своим компом и при помощи той же мышки создает на экране макет продукта для 3D-принтера? Да ничем. Это пролетарию, чтобы создать УАЗ «Патриот», нужен построенный эксплуататором конвейер и еще пара сотен таких же пролетариев за тем же самым конвейером. А у дедки, бабки и компьютерного дизайнера нет никаких посредников между их рабочими руками и созданным продуктом. И тогда возникает законный вопрос: а на фиг вообще этому человеку торчать в городе, дышать гарью и платить за квартиру 30 тысяч рублей в месяц?

Самые передовые и сознательные представители нарождающегося постиндустриального крестьянства, собственно говоря, уже давно в городах не торчат. Опыт моих велосипедных путешествий по Европе говорит о том, что в той же Германии или Ирландии на каждого сельского жителя, который ковыряется в земле, приходится несколько сельских жителей, которые ковыряются в клавиатуре: программируют, торгуют на бирже, пишут тексты, фотографируют в собственной студии рекламу — список профессий, не привязанных к мегаполису, расширяется с каждым годом. Надо сказать, что в плотно обустро-

енной Европе процесс разурбанизации почти не требует теперь со стороны государства специальных вложений: здесь уже есть хорошие дороги, скоростные поезда, здесь даже те, кому каждый день нужно на работу, часто живут в 100 км от своего предприятия. Так что детям и внукам этих людей теперь вообще не нужно куда мигрировать. Они просто все реже садятся на машину или скоростной поезд, чтобы приехать на свое рабочее место. Они просто остаются дома. Их рабочее место теперь здесь.

У нас постиндустриальных крестьян тоже хватает, и они уже давно потянулись в сельскую местность. Пришибленных программистов, биржевых игроков и даже востребованных гуманитариев там теперь хватает. Есть даже целые колонии, обжитые по профессиональному признаку, в пору названия деревням менять: были Кузнецы, стали Интроверты. И это уже не дауншифтинг, эти люди сбежали из города не для того, чтобы бамбук курить или играть в деревенскую пасторальную мечту. Я вообще не верю в этих вот гламурных фермеров, перекованных из менеджеров по продажам. Работа на земле — тяжелый труд, который быстро надоедает, если ты с этим не родился. Но постиндустриальные крестьяне — они тем и отличаются от дауншифтеров, что приехали на землю, чтобы на ней жить и работать. Точно так же, как крестьяне обыкновенные. Только специализация другая, поэтому земля им нужна не под пашню, а под газон.

Но, к сожалению, государство за этим процессом не поспевает. У нас пока мало хороших дорог, скоростных поездов, у нас низкий уровень газификации и совершенно загублена сельская социалка. Даже если ты живешь в 300 км от мегаполиса, сгонять раз в неделю на деловые переговоры или на встречу однокурсников — это дело целого дня, а то и двух. А что делать с детьми? Ну, хорошо, без детского сада, если ты живешь на земле, можно обойтись. А без хорошей школы?

Поэтому наше первое поколение постиндустриальных крестьян — это либо люди одинокие, либо молодые и еще пока бездетные семьи, либо группы единомышленников, которые совмещают обычную мещанскую жизнь с каким-нибудь идеологическим проектом. Либо... Да, к сожалению, многие из этих людей и вовсе едут крестьянствовать за границу. Если собственная страна не лучшим образом обустроена, то почему бы не рисовать свою репку в какой-нибудь чужой провинции у моря?

Экономя на развитии сельской инфраструктуры, мы теряем не только людей, но и, как ни странно, деньги. Ведь человек городской сегодня обходится гораздо

дороже, чем деревенский. Обустройство современных мегаполисов в соответствии с потребностями XXI века — это бездонная статья расходов, сизифов труд. Вот один лишь пример. Государственные затраты на строительство Четвертого транспортного кольца в Москве — с выкупом земель, сносом зданий, перекладкой коммуникаций и прочим ужасом — это цифра того же порядка, что и госинвестиции в скоростную железнодорожную ветку Москва — Казань. Что даст ЧТК Москве? Так, небольшую транспортную передышку. А дорога Москва — Казань — это мощный импульс переселению людей в сельскую местность. Почему бы не жить и не работать где-нибудь под Гороховцом, если оттуда до Курского вокзала — полтора-два часа комфортной езды? А почему бы зажиточному постиндустриальному крестьянину не податься куда-нибудь под Бологое? Ведь это удобно! Два часа до одной столицы, два часа до другой. Тут теперь даже «Сапсаны» ходят, а скоро еще и скоростной асфальт положат. На пространстве между Питером и Москвой можно создать огромный сельский мегаполис для тех, кто готов жить и работать на столичный бизнес, но жить при этом в деревне. Что мешает? Да так, самая малость. Выжженные за последние 20 лет сельское школьное образование, медицина, культурная жизнь. Негде учиться, негде лечиться, а из признаков цивилизации на многие десятки километров — лишь элитные охотхозяйства, яхт-клубы для своих и дачные дворцы изнывающих городских марсиан. ♣

Человек городской сегодня обходится гораздо дороже, чем деревенский. Обустройство современных мегаполисов в соответствии с потребностями XXI века — это бездонная статья расходов, сизифов труд.

*Pieris
Crataegi*

Giusto Manetti Battiloro s.p.a.
Made in Italy
Фабрика основана в 1820 году

Продажа сусального золота

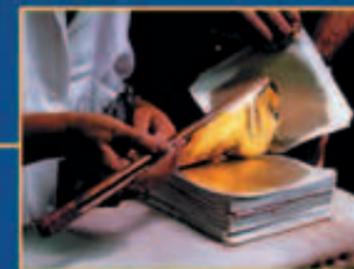
ООО «Манетти-М» представляет лучшего европейского производителя **Giusto Manetti Battiloro**

Прекрасное соотношение качества и цены

Прямые поставки сусального золота из Италии (Флоренция)

Товар соответствует требованиям ТУ и ГОСТ

Полный пакет документов и сертификатов

ООО «Манетти-М» ИНН: 7710651730

125009, г. Москва, переулок Столешников д. 6 стр. 3 офис 103

тел./факс: (495) 644-24-06, 8-906-056-1040 Зорница
e-mail: manetti-m@mail.ru, www.manetti-m.ru

пн. – пт. с 10.00 до 19.00, перерыв с 13.00 до 14.00